

0732882-

Казанский государственный университет

На правах рукописи

*В печать
Издательство
8.11.02*

САФОНОВА Светлана Сергеевна

**МЕСТОИМЕННО-СОЮЗНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
С СЕМАНТИКОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ
В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Казань 2002

Работа выполнена на кафедре русского языка и литературы в национальной школе Казанского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А.Н. Андримонова

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор А.Р. Губанов
кандидат филологических наук, профессор В.Л. Смирнов

Ведущая организация - Казанский государственный педагогический университет

Защита состоится «11» декабря 2002 года в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 филологического факультета в Казанском государственном университете по адресу: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 (корпус № 2).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «11» ноября 2002 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Л.К. Байрамова

Объектом реферируемой работы является класс местоименно-союзных сложноподчиненных предложений с усилительно-количественным значением типа *Мировой океан настолько велик, что каждый год в нем встречаются все новые и новые виды обитателей, несмотря на всю экологию* (ЭГ, авг. 01г.).

Хотя местоименно-союзные предложения получили достаточно полное освещение со стороны их структуры и семантики в общих трудах (Н.С. Пospelов, В.А. Белошапкова, Л.Ю. Максимов, В.В. Бабайцева, Н.А. Андримонова и др.) и специальных исследованиях (Д.И. Баршай, Н.Г. Блохина, О.В. Левцанова и др.), многие аспекты этого уникального объекта остаются мало изученными или допускают противоречивые толкования: не предложено наименования, адекватного их семантике и структуре; не всегда ясно их место в классификационных построениях; не раскрыты способы представления в них семантики интенсивности; не принято во внимание их функционально-стилистическое расслоение и т.д.

Между тем современная лингвистика, выдвинув ряд парадигм получения знания, акцентирует внимание на когнитивной и функционально-коммуникативной. Если первая направлена на изучение интеллектуальной стороны речи, связанной с мышлением, познанием, памятью, то вторая нацелена на освещение проблем функционирования языковых единиц в различных стилях и сферах речи, где предполагается не только рациональное, но и эмотивное содержание и где в наибольшей степени раскрывается языковая личность. В этой связи становятся приоритетными проблемы изучения субъективной стороны речи, модуса, экспрессии, прагматики, и прежде всего на уровне высказывания и текста.

Все это способствовало выделению особого раздела синтаксической науки: экспрессивного синтаксиса. В трудах таких выдающихся лингвистов, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Ш. Балли, подчеркнута значимость антропологического подхода к изучению языковой системы и речевой деятельности, к явлениям «активной грамматики», а также стилистической дифференциации языка, его информативным и экспрессивным возможностям. Так, академик В.В. Виноградов писал: «Вопрос об экспрессивных качествах слов, выражений, конструкций, так мало еще разработанный стилистикой языка и стилистикой речи, по отношению к разным композиционным типам и системам общественной речи развертывается в сложный и большой круг проблем сочетания, смены контрастов и усиления экспрессивных красок речи, их воздействия на другие средства стилистического выражения и взаимодействия с ним» [В.В. Виноградов, 1981:

66]. Проблемам экспрессивного синтаксиса посвящен ряд специальных исследований (Г.Н. Акимова, А.П. Сковородников, О.В. Александрова и др.). Однако стилистический статус и экспрессивные параметры сложного предложения остаются в числе недостаточно изученных.

Актуальность исследования местоименно-союзных предложений с интенсифицирующе-количественной семантикой определяется, с одной стороны, обращенностью к сложным нерешенным вопросам статуса и функционирования местоименно-союзных конструкций в языке современной публицистики, с другой - она стимулируется акцентированием внимания на представленности семантики интенсивности в содержательной структуре исходных предложений, отличающейся взаимосвязью и пересечением качественных-количественных и результативно-следственных значений.

Целью настоящей работы является изучение семантико-синтаксических и функционально-стилистических особенностей местоименно-союзных предложений как явления экспрессивного синтаксиса.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие основные задачи:

- разработать типологию местоименно-союзных предложений, опираясь на лексико-семантические характеристики опорных слов и коррелятов;
- рассмотреть местоименно-союзные структуры в аспекте взаимодействия количественных и релятивных отношений, соотнести их с детерминантными предложениями со значением следствия;
- раскрыть способы фразеологизации сложноподчиненных предложений с местоименно-союзной связью, установить и проанализировать их постоянные и переменные компоненты;
- охарактеризовать основные приемы экспрессивно-функциональной модификации исходной модели сложноподчиненных предложений;
- изучить исследуемые структуры с позиций теории описательной номинации, способствующей передаче высокой степени и меры признака за счет содержания постпозитивной предикативной единицы;
- выявить особенности функционирования местоименно-союзных предложений в языке современной прессы.

Методы исследования. При решении поставленных задач в работе используются следующие методы: лингвистическое описание, наблюдение, трансформация, а также элементы компонентного и дистрибутивного анализа.

Эмпирической базой исследования послужила картотека объемом более 3000 единиц, извлеченных путем сплошной выборки из языка современной

прессы 1999 – 2002 гг. (газет «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Экспресс-газета» и др.), а также принимались во внимание и отдельные примеры из других центральных и местных СМИ. Выбор указанных изданий диктуется тем, что они наиболее ориентированы на экспрессивную подачу информации.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней:

- впервые осуществлено полиаспектное рассмотрение класса местоименно-союзных предложений как явления экспрессивного синтаксиса;
- установлены дифференциальные признаки семантики интенсивности в ее взаимодействии, с одной стороны, с семантикой качественности, с другой – с релятивной семантикой следствия, результата;
- выявлены и системно охарактеризованы лексические и грамматические средства репрезентации категории интенсивности как одной из доминантных составляющих в семантике рассматриваемой модели;
- определены способы экспрессивной модификации исходной модели в языке современной газетной публицистики и их основные функции, реализующиеся прежде всего в системе неинформационных жанров;
- новым является и то, что предложен вариант освещения местоименно-союзных структур как средства описательной номинации обстоятельственных значений меры и степени.

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что выдвинутая в ней проблематика решается в русле кардинальных теоретических проблем референции, номинации и коммуникации, а также в плане интегрального освещения лексической и синтаксической семантики как на уровне языковой системы, так и ее функционирования.

Практическая ценность исследования состоит в том, что результаты диссертации, как в виде общих выводов, так и в виде частных наблюдений, могут быть использованы в общих курсах по синтаксису, лексикологии, стилистике и культуре речи, а также при разработке спецкурсов по синтаксису сложного предложения, экспрессивному синтаксису и синтаксическим особенностям публицистического стиля.

Апробация работы. Результаты исследования докладывались и обсуждались на итоговых научных конференциях профессорско-преподавательского состава Казанского государственного университета (2001, 2002), на Международной научной конференции: «Бодуэновские чтения» (Казань, 11-13 декабря 2001г.), а также на заседаниях кафедры русского языка и литературы в национальной школе КГУ. Содержание диссертации нашло

отражение в четырех публикациях автора.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех исследовательских глав (гл. I «Семантика интенсивности и способы ее репрезентации в местоименно-союзных предложениях», гл. II «Экспрессивно-коммуникативные модификации местоименно-союзных предложений, построенных по модели *так, такой, настолько, столь, до того, до такой степени, столько, так много, так мало ... что*» и гл. III «Сложные предложения местоименно-союзного типа как средство описательной номинации»), заключения и библиографии.

Основное содержание работы.

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, определяются объект и методы исследования, формулируются цель и задачи, раскрываются теоретическая и практическая значимость работы, ее новизна, а также дается краткая история изучения местоименно-союзных предложений в синтаксической литературе.

В **главе I** «Семантика интенсивности и способы ее репрезентации в местоименно-союзных предложениях» характеризуется ключевая для данного исследования категория интенсивности, разрабатывается типология местоименно-союзных структур по наличию/отсутствию семантики интенсивности в значении опорного слова, анализируются местоименно-союзные предложения, выражающие большую меру признака.

I.1. Одной из дискуссионных проблем современной лингвистики является проблема рассмотрения доминантной языковой категории 'интенсивность' в ее соотносительности с категориями 'количественность', 'эмоциональность' и 'экспрессивность'.

При освещении данной категории представляется целесообразным опираться на взгляды таких выдающихся ученых, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ш. Балли, Э. Сепир. Прежде всего категория интенсивности представляет собой частную разновидность категории количества. Показательно, что И.А. Бодуэн де Куртенэ, рассматривая «количественность в языковом мышлении», выделяет количественность: 1) размерную, пространственную; 2) времени, длительности протекания некоторого процесса; 3) числовую, относящуюся и к пространству, и к времени; 4) интенсивности, степени. [И.А. Бодуэн де Куртенэ, 1963: 313]. Не теряет актуальности и его идея о том, что «значение напряжения и интенсивности некоторых элементов языкового мышления выступает наиболее выразительно в области семантики, как со стороны

интеллектуальной, умственной, вневещественной, так и прежде всего с чувственной стороны» [там же: 323].

В работе Ш. Балли «Французская стилистика» выдвигается широкое понимание интенсивности с учетом всех различий, сводящихся «...к категории количества, величины, ценности, силы и т. п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или абстрактных идеях» [Ш. Балли, 1961: с. 203]. Весьма ценным является и выделение им «аффективного синтаксиса», отличающегося эмоциональностью и экспрессивностью. Наряду с Ш. Балли, Э. Сепир также высказывает мысль о взаимодействии интенсивности, с одной стороны, с «эмоциональным аспектом», связанным со скрытыми смыслами одобрения/неодобрения, с другой – включает ее в шкалу градуирования.

В современной общей и частной лингвистической литературе, посвященной данному вопросу, категория интенсивности обычно рассматривается в состав категории экспрессивности (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, И. А. Стернин, Н.А. Лукьянова и др.).

Мы опираемся на понимание интенсивности как категории, которая «демонстрирует отклонение от «нормальной» меры, т.е. от зоны нормативности, и вследствие этого воспринимается говорящими иначе, чем обычное, соответствующее некоторой норме, или мере, явление» [Н.А. Лукьянова, 1986: с. 56]. При этом считаем необходимым подчеркнуть ее двойственную природу. С одной стороны, она имеет онтологический статус как категория, лежащая в рамках количественных отношений, т.е. имеет внеязыковой референт, с другой, получая характер выделенности, переключается на коннотативный уровень языка и речи, взаимодействуя с категорией экспрессивности.

I.2. Среди местоименно-союзных предложений с усилительно-количественной семантикой выделяются две основные модели: первая сосредоточена на выражении высокой степени признака, во второй представлена семантика большой меры количества или объема.

В нашем материале господствующее положение занимает первая модель. Поскольку семантика интенсивности в ней проявляется неодинаково, нами предложено ее членение на две разновидности с учетом таких параметров, как степень интенсивности, лексико-семантическая природа опорного слова, а также функциональная нагруженность коррелята.

В первой из них семантика интенсивности передается коррелятом, указывающим на высокую степень качества или действия, тогда как опорное слово сосредоточено на выражении статического или динамического признака

без указания на его количественные характеристики: *Но атмосфера вечера была настолько теплой, что холода никто и не заметил* (АиФ, ноябрь 01г.), а во второй - реализация соответствующей семантики происходит на лексико-синтаксическом уровне, т.е. за счет всего контактного словосочетания, состоящего из опорной леммы, в значении которой есть показатель интенсивности, и коррелята, усиливающего это значение: *Пресловутая коррида и ее отмена так всколыхнули народ, что даже телевизионщики не смогли остаться в стороне* (КП, 5.09.01.).

Опорные слова, формирующие первую разновидность местоименно-союзных предложений, характеризуются тем, что находятся в зоне семантического поля 'качественность', в связи с чем доминирующей оказывается соответствующая адъективная и адвербиальная лексика. В диссертации проанализированы лексико-семантические группы прилагательных, наиболее употребительных в составе изучаемых структур. К ним относятся ЛСГ прилагательных: оценочных (хороший, негативный, красивый, сволочной, богатый и др.), эмотивных (радостный, смешной, скучный, нежный, страшный и др.) и др. параметрического типа: *Политика – настолько сволочная штука, что любую беду немедленно превращает в фактор влияния* (КП, 9.10.01.); *...конкуренция на бензиновом рынке в России сейчас такая жесткая, что заправка, поднявшая цены, может тут же разориться* (КП, 23.11.01.).

Наряду с именами прилагательными, в роли стержневого слова выступают и глагольные леммы, среди которых наиболее частотны лексико-семантические группы глаголов, обозначающих эмоциональное отношение, чувство (восхищаться, любить, ненавидеть и др.), глаголов со значением психологического или физического состояния (бояться, волноваться, плакать и др.), а также глаголов, приобретающих качество или признак производящей основы, которые словообразовательно связаны с адъективами (худеть, бледнеть, краснеть и др.): *На обратном переходе пропал верблюд, груженный добром, среди которого были и тетрадки Даля. Но солдаты так его любили, что нашли верблюда и отбили его у турок!* (КП, 10.11.00.); *Я так нервничала, что руки у меня застыли и дрожали* (Телесемь, 27.08.01.); *За несколько часов отсутствия хозяина собака худела так, что ее ребра напоминали стиральную доску...* (КП, 13.11.01.).

Среди субстантивных лексем выделяются отвлеченные существительные, находящиеся в тесном взаимодействии: а) с прилагательными, выражая качественную семантику (нежность, редкость, красота и др.); б) связанные с

глаголами, т.е. обозначающие действие или процесс (удар, возбуждение, спешка и др.): *Я в Ростове-на-Дону однажды встретил молодую женщину такой красоты, что «Мисс мира», увидев ее, повесилась бы с горя* (Телесемь, 1.07.01.); *Эта достойная женщина прочитала книгу и пришла в такое возбуждение, что затерроризировала своего супруга просьбами снять по ней кино* (Телесемь, 18.11.01.).

1.3. В аспекте рассмотрения взаимосвязи лексического и грамматического вторая разновидность представляет наибольший интерес, поскольку контактное словосочетание в главной части включает два экспрессивных компонента: коррелят и опорное слово качественно-количественной семантики.

Наш материал свидетельствует о том, что наиболее частотными в системе рассматриваемой разновидности являются глагольные леммы. Изучение глагольного компонента в сфере исследуемых структур позволило выделить два аспекта интенсификации семантики глагола. Во-первых, на значение интенсивности указывает лексическая семантика глаголов, которые по степени нарастания интенсивности действия вступают в синонимические отношения (говорить – галдеть – кричать – орать/вопить, сказать – крикнуть – рявкнуть, ехать – гнать – нестись, избить – отходить – отметелить и др.). Эти отношения можно рассматривать на примере градационной шкалы, где интенсивность действия прослеживается от нулевой до крайне высокой. При этом в современной публицистике наблюдается тенденция к экспрессивации речи за счет сниженной глагольной лексики, «подталкиваемой» в прессу разговорной стихией. Нами отмечено также, что количественное возрастание признака, обозначаемого глаголом, как правило, способствует и его качественному обогащению (Ср.: стремиться и рваться ('очень сильно, страстно стремиться к чему-л.'), сказать и рявкнуть ('грубо и зло крикнуть'): *В нарядных костюмчиках, платьицах дети галдят так, что заглушают музыку живого эстрадного оркестра* (ЭГ, июнь 01г.); *Публика кричала так, что мы не слышали собственной музыки...* (КП, 26.09.00.); *...Городинский завопил так, что сбежались все пассажиры во главе с проводницей* (Телесемь, 12.08.01.).

Во-вторых, в сфере глагольной лексики семантика интенсивности передается и за счет способов глагольного действия, реализуемых в пределах функционально-семантического поля 'аспектуальность'. Наиболее приспособленными для выражения количественной семантики оказываются специальнорезультативные способы действия. В нашем материале достаточно частотными являются следующие разновидности этого способа действия: аугментативный (разволноваться, разгорячиться, расчувствоваться и др.),

эксцессивно-длительный (заработаться, заговориться, задыхаться и др.), собственно интенсивный способ действия (забить, залечить, заласкать и др.) и финально-следственный (договориться, довеселиться, докричаться и др.): *Кевин Костнер допрыгался. А также догулялся, допился, довеселился на холостяцких пирушках до того, что его двадцатисемилетняя подружка (и уже практически невеста) модель Кристин Баумгартнер дала ему от ворот поворот* (Телесемь, 10.02.02.). В этом высказывании семантика интенсивности достигает своего пика вследствие расположения глаголов по степени нарастания их эмоционально-смысловой значимости, т.е. в результате использования автором приема градации. При этом высказывание сосредоточивает в себе кондексацию смысла публикации, являясь заголовком к заметке.

Интенсификация лексико-грамматической семантики глаголов способствует их нахождению в зоне нового, рематической доминанты, что связано с актуальным членением и коммуникативными задачами говорящего. Само же действие глагола, выступающего в роли компонента контактного словосочетания главной части местоименно-союзных предложений исследуемой разновидности, получает двойственную экспрессивную окрашенность: с одной стороны, за счет интенсивного инварианта глагола, указывающего на достижение результата действия, с другой – следствия, представленного придаточной предикативной единицей.

Если интенсификация глаголов осуществляется двумя способами, то интенсификация адъективных, адverbиальных и субстантивных слов в составе исследуемой модели происходит только за счет их лексического значения. При этом они нередко объединяются корневым морфемой (сильный – сильно – сила, ужасный – ужасно – ужас, хороший – хорошо и др.): *Герой статьи решил, что видит свою первую любовь, и испытал такое сильное потрясение, что его глазной андроген «включился»* (Спид-инфо, март 01г.); *Пугачев в свое время так сильно «поджарил» торговый центр, что самой Екатерине II, а позже Павлу I пришлось бить набат* (КП, 16.11.00.); *Проснувшись, Гера с такой силой вырвала у него (Геракла) грудь, что часть молока выплеснулась в небо, образовав мириады звезд* (КП, 11.07.01.).

Адъективные и адverbиальные лексемы по степени интенсивности признака образуют такие градационно-синонимические ряды, которые могут быть охарактеризованы по параметрическим признакам 'сильный/слабый', 'большой/маленький', 'громкий/тихий', 'быстрый/медленный' (сильный – значительный – мощный/могучий, большой – великий – грандиозный,

маленький – мизерный, громкий – оглушительный, быстро – стремительно – молниеносно, поспешно – прытко и др.): *...все произошло так стремительно, что никто и пикнуть не успел* (КП, 16.12.00.); *Девушка разыграла аферу настолько молниеносно, что Виктор не успел опомниться* (Криминал, № 148, 2001г.).

Среди субстантивной лексики, образующей соответствующие градационно-синонимические ряды, выделяются существительные, характеризующие эмоциональное состояние субъекта или социума (раздражение – возмущение – бешенство, безнадежность – безысходность – отчаяние, страх – ужас – кошмар – паника, восторг – восхищение – упоение – экстаз и др.): *А ужасы ораторы рисуют такие, что становится ясно: наши нынешние трудовые законы – просто диснеевский мультфильм по сравнению с тем произволом, который уготовило правительство народу* (КП, 21.12.00.); *Кошмар был такой, что казалось, будто мне разрывают мышцы и выкручивают суставы* (КП, 31.07.01.); *Паника такая, что даже тот, кто только что подошел к нам, начинает дергаться, как попугай* (КП, 4.10.00.).

В целом можно заключить, что местоименно-союзные предложения объединяются семантикой опорного слова, находящегося в сфере качественности, и усилительно-количественной функцией коррелята. При этом выявлено, что корреляты под давлением различных факторов могут видоизменяться двояким способом: с одной стороны, приобретать усилительную функцию и в определенной мере сближаться с частицей, а с другой – имплицитно приобретать семантику качественности.

1.4. Вторую модель составляют местоименно-союзные предложения, в которых корреляты *столько, так много, так мало* в сочетании с опорными словами сосредоточены на выражении семантики большой меры количества или объема: *Я обожал первую леди за то, что она привнесла столько шарма и грации во все формальные церемонии, что они становились веселой и изящной игрой...* (КП, сент. 00г.). В данной модели в зависимости от лексико-грамматической природы опорного слова реализуются следующие значения: 1) меры количества (в том случае, если корреляты сочетаются с существительными конкретной семантики): *Любимых женщин, которых в жизни главного режиссера МХАТа, было столько, что откровений хватило бы ни на один том* (КП, 6.09.00.); *Слонов, искавших приют, оказалось в парке так много, что в два-три года они порушили растительность парка, превращая его в пыльную полупустыню* (КП, 10.08.01.); 2) меры недифференцированного количества или объема (сочетания тех же коррелятов с существительными

собирательной, вещественной или абстрактной семантики). В этом случае собственно количественное значение может переплетаться с качественным: *На защиту диссертации в питерской Академии физкультуры имени Лесгафта собралось столько народу, что, казалось, Александру (Карелину) будут Нобелевскую премию вручать* (КП, 28.09.00.); *У одного россиянина взяли так много крови, что он просто обессилел и пришел шестым* (ЭГ, № 8 (февр. 02г.); 3) меры или объема действия (сочетание соотносительных слов *столько, так много* с глаголом): *Он знает так много, что его не пошлют на Гуантанамо, а, судя по всему, сразу переправят в США* (КП, 3.04.02.); *Но последние месяцы я так много работал, что, к большому стыду, на друзей не было ни одной свободной минуты* (КП, 16.11.01.).

Значение меры количества может выражаться экспрессивным позиционным эквивалентом коррелятного сочетания *так много – такая масса, такое множество, такое количество*:

В архивах Игоря Гневашева такая масса уникальных фотографий знаменитых людей, что хватит на занимательное и полезное чтение и разглядывание снимков не только вам, но и вашим детям (КП, 16.11.00.).

При сочетании коррелята *столько* и коррелятного сочетания *так много* с существительными абстрактной семантики на значение высокой меры объема проявления признака наслаивается степенной семантический оттенок, что обнаруживается при трансформации модели. Ср.: *Развод причинил мне столько боли, что я стала, может быть, слишком осторожной в любовных делах* (Телесемь, 16.12.01.) - *Развод причинил мне такую боль, что я стала, может быть, слишком осторожной в любовных делах*.

1.5. Рассматриваемые предложения, с одной стороны, ориентируются на количественную семантику, а с другой – взаимодействуют с реляционной, т.е. в них представлены значения высокой степени или меры признака и следствия. В связи с этим возможно сопоставление местоименно-союзных предложений, построенных на основе двухместной скрепы *так ... что*, и следственных предложений с союзом *так что*.

В современной грамматике вопрос о взаимосвязях данных структур остается дискуссионным. Если В.А. Богородицкий, А.М. Пешковский рассматривали названные конструкции как единый тип с причинно-следственными отношениями, то В.А. Белошапкова, Л.Ю. Максимов расценивают предложения, выражающие значения степени и следствия, как особый местоименно-соотносительный тип, указывая на их полисемантическую

являющуюся результатом «противоречивого строения модели: несовпадения по значению семантики указательного слова и союза» [Л.Ю. Максимов, 1968: 86].

Нам представляется целесообразным сближение местоименно-союзных предложений с усилительно-следственными, в которых главная часть имеет лексические показатели семантики интензивности: *Достопримечательностей в республике очень много, так что предстоит огромная работа над развитием новой отрасли* (КП, 9.10.01.); *Синоптики считают, что следующая неделя на большей территории страны будет самой жаркой с начала лета. Так что позаботьтесь и о своих любимых питомцах* (КП, 27.06.01.).

Если говорить о частотности сравниваемых предложений в языке современной прессы, то явно преобладающими оказываются конструкции с местоименно-союзной связью, отличающиеся большей эмоциональной и экспрессивной окрашенностью.

Глава II «Экспрессивно-коммуникативные модификации местоименно-союзных предложений, построенных по моделям *так, такой, настолько, столь, до того, до такой степени/столько, так много, так мало ... что*» посвящена рассмотрению функционально-стилистических модификаций и аспектов фразеологизации изучаемых конструкций.

II.1. Одним из новых аспектов изучения предложения в современной синтаксической науке является рассмотрение его как моделируемой единицы, где исходная модель соотносена с ее модификациями и трансформациями, т.е. включена в план парадигматики на языковом и функциональном уровнях.

В синтаксической литературе разрабатываются понятия модели, структурной схемы, внутримодельных модификаций, межмодельных трансформаций и т. д. (В.А. Белошапкова, Г.А. Золотова, Н.Ю. Шведова, М.В. Всеволодова и др.). Так, к сложному предложению применимы понятие внутримодельной модификации, под которой понимаются «видоизменения структурных схем, не несущие дополнительных смыслов и сопровождающиеся лишь экспрессивно-стилистическими эффектами» [В.А. Белошапкова, 1981: 461], а также понятие межмодельной трансформации, характеризующееся изменениями в содержательной структуре ядерного предложения, которые приносят дополнительные смыслы или дают иную интерпретацию.

Если базовые, структурирующие компоненты модели были рассмотрены в первой главе, то вторая глава сосредоточена на проблеме функциональных модификаций исходной модели, хотя следует иметь в виду, что сама исходная модель, очевидно, является производной, включающей в себя экспрессивно-интензивные смыслы. В этой связи ценной представляется мысль Г.Н.

Акимовой о том, что стабильные экспрессивные конструкции могут переживать различные периоды своего расцвета, в них наблюдается движение от экспрессивности к нейтральности, отсюда стремление «удержать» исследуемую модель в экспрессивном ключе.

В существующей синтаксической литературе выявлена номенклатура средств, которые способствуют экспрессивному восприятию сообщаемой информации, являясь средством осложнения или упрощения исходной модели. В числе этих средств прежде всего называются такие, как парцелляция, сегментация, инверсия, лексический повтор с синтаксическим распространением, усечение, эллипсис и др. (работы Н.И. Формановской, Г.Н. Акимовой, Е.А. Иванчиковой, Ю.В. Ванникова, А.П. Сковородникова и др.).

II.2. В нашем материале представлены такие средства усиления эмоциональности и выразительности, как повтор, парцелляция, усечение и эллипсис. Наибольшую распространенность в языке публицистики получают парцелляция и повтор.

Повтор, являясь одним из приемов воздействующей коммуникации, в исследуемых нами предложениях носит лексико-синтаксический характер, т.к. в них важно подчеркивание не столько самого слова, сколько то, что его повтор акцентирует внимание на представленности семантики высокой степени признака, доминирующей в местоименно-союзных предложениях. В рассматриваемых конструкциях повторяется либо коррелят, либо опорное слово, реже контактное словосочетание в целом. При этом в структурах, где повтор не претерпевает изменений лексического или грамматического плана, ярко ощущается выделенность части ремы: *Он (нес) так стонал, особенно по ночам, так, что душа выворачивалась наизнанку* (КП, № 176 (сент. 00г.)). Если повтор присоединяет коррелят или коррелят с опорным словом, выделенность части ремы ощущается в меньшей степени. *Я люблю тебя, люблю так сильно, что это причиняет мне боль* (Каз. ведомости, 10.01.02.).

Для языка газетной публицистики характерно использование позиционно-лексического повтора как акцентирующего, экспрессивного средства, заключающего в себе «яркий, усилительно-градационный эффект» (Е.А. Иванчикова).

Лексико-синтаксический повтор способствует процессу расчлененной подачи высказывания, то есть парцелляции сложноподчиненного предложения, получившей наибольшую распространенность в публицистической речи.

В современной прессе явление порционной подачи частей и их актуализации прогрессирует, его активизация связана с адресованностью

газетной речи к массовому читателю с целью воздействия на него, а также со стремлением передать сообщение по принципу постепенного нанизывания информации, свойственному разговорной речи.

Нами выяснено, что парцелляция местоименно-союзных предложений носит характер средней, т.е. парцеллят является синсемантическим (А.П. Сковородников). Парцеллированные структуры представляют собой две группы: 1) в состав парцеллята входит коррелят и опорное слово, причем здесь имеет место повтор последнего. В этом случае связь между базовой структурой и парцеллированной частью более ощутима, эксплицитна: *Гонконгская «Пионовая беседка» - кино по-китайски красивое и загадочное. Загадочное настолько, что пересказать сюжет затруднительно* (КП, 3.07.01.); 2) в состав парцеллята входит коррелят без опорного слова, которое в этом случае оказывается потенциальным, т.е. лексемы первой части (базовой структуры) своей семантикой стимулируют подготовку парцелляции, хотя связь между базовым и парцеллированным компонентами здесь менее ощутима, имплицитна: *Голливудские звезды очень любят животных. Настолько, что готовы ради них на немислимые жертвы* (ЭГ, № 34 (авг. 01г.)).

Большой интерес вызывают примеры, где семантика интенсивности поддерживается и структурно-смысловой основой предложения, и лексическими средствами, и самой парцелляцией: *Голландия - очень продвинутая страна. Вплоть до того, что некоторые муниципалитеты даже оплачивают «секс-визиты» членов ассоциации к инвалидам из своего бюджета* (КП, 27.06.01.).

Функционирование парцеллированных конструкций в языке публицистического стиля, кроме закономерных здесь индивидуально-авторских пристрастий, обуславливается и «идеей конструктивного конфликта экспрессивных и информативно-стандартизированных единиц» [В.Г. Костомаров, 1971: 97]. При этом повышенной частотностью парцелляции отмечены жанры, в которых примат получает экспрессия (интервью, опрос, беседа, очерк и др.), пониженной частотностью парцелляции отличаются жанры, где приоритет отдан языковому стандарту (статья, информационная заметка, хроника и т.п.).

В жанрах диалогического характера нередко используются усеченные конструкции, так называемые «фигуры умолчания», которые отличает интонационная незавершенность и структурная нестабилизированность. В публицистической речи такой способ ее экспрессивации используется, с одной стороны, как усилительное средство, характеризующее психологическое

состояние или эмоциональные переживания субъекта: *Я, конечно, безумно нервничал, настолько, что ...* (КП, 31.10.00.); с другой – как средство создания эмоциональной непосредственности речи с целью «интимизации повествования» (А.П. Сковородников). В этой функции «фигуры умолчания» встречаются в статьях, заметках и, вероятно, рассчитаны на домысливание адресатом: *Фэнтези – это фэнтези. Здесь компьютер таких чудес наворотил, что ...* (Телесемь, 10.02.02.).

Для языка публицистики характерен и эллипсис исходной модели, что придает высказыванию динамизм и эмоционально-экспрессивную окрашенность высказыванию: *А мне у вас в Москве так понравилось – уезжать не хочется!* (КП, № 185(окт. 00г.).

II.3. Проблема соотношения фразеологического и синтаксического ярусов языка поставлена в целом ряде лингвистических работ (В.В. Виноградов, В.А. Белошапкова, В.И. Кодухов, С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов, Н.Ю. Шведова, Н.А. Андрамонова и др.). Однако вопрос об устойчивых фразеологических единицах в системе сложноподчиненного предложения освещен в научной литературе недостаточно. Если СПП фразеологизированной структуры в области темпоральной (Л.И. Ройзензон, Л.М. Салмина и др.) и каузальной (Г.Н. Смирнов, А.Г. Хорошавина и др.) семантики относительно изучены, то СПП, построенные по модели *так, такой, настолько, столь, до того ... что*, в этом аспекте наименее рассмотрены, хотя склонность данных конструкций к устойчивости ощутима.

В исследуемых моделях предложений, характерных для языка газетной публицистики, степень фразеологизации проявляется по-разному, при этом наблюдается стремление к ее усилению.

Во-первых, для подобных предложений семантико-грамматическим фактором, формирующим фразеомодель, является усилительно-соотносительное слово главной части – *так, такой, настолько, до того, столько*, сигнал постпозитивной предикативной единицы – союз *что*, а также третий элемент «синтаксической конфигурации» (В.И. Кодухов) – характер опорного слова, имеющего качественную семантику. В этом случае модель приобретает определенную стабильность лексического наполнения на уровне переменного компонента. Несмотря на то, что количественный состав таких лексем невелик, их воспроизводимость в синтаксической структуре достаточна высока (сильный, великий, хорошо, близко, сила, нравится и др.): *Жизнь так сильно изменилась, что нас и родителей разделяет целая пропасть* (АиФ, № 42(окт. 00г.); *...мусульманская диаспора, особенно на юге Франции, столь*

велика, что не считаться с ней может только политик-самоубийца (КП, № 176 (сент. 00г.).

Во-вторых, в рассматриваемых предложениях в качестве постоянного компонента выступает глагол *дойти*, закрепившийся, прежде всего, в определенной форме (*дошло*) и претерпевший те или иные сдвиги в семантике. Получая статус «строевой лексемы» (Л.В. Щерба), совмещающей глагольную и служебную функции, глагольный компонент *дошло* в подобных конструкциях сохраняет значение крайнего предела действия: *Неприятно, но факт: у России до сих пор нет гимна. Дошло до того, что футболисты «Спартака» обратились лично к президенту Путину с просьбой ускорить творческий процесс* (КП, 19.09.00.).

В-третьих, СПП местоименно-союзного типа приобретают фразеологизированный характер в результате осложнения главной или придаточной частей фразеологической единицей (далее – ФЕ) или речевым штампом.

Специфика употребления ФЕ в составе данной модели состоит в том, что их выбор определяется интенциями говорящего либо пишущего, который соотносит значение фразеологизма с естественными реалиями жизни. Как правило, они способствуют усилению интенсивности и отрицательной оценке происходящего: *Страсти накалились настолько, что некоторые лидеры оппозиции уже предупреждают: если Слобо не уйдет мирно, могут пролиться «реки крови»...* (КП, №185(окт. 00г.).

Анализ материала показывает, что наиболее частотно включение ФЕ различного статуса в состав придаточной части. При этом фразеологизм, составляя содержание постпозитивного компонента, служит для выражения собственно экспрессивно-эмоциональных реакций на высокую степень проявления признака и фактически не имеет следственного значения: *Амнистия оказалась такой широкой и либеральной, что народ диву давался* (КП, 21.07.01.).

Однако наибольший интерес представляют, на наш взгляд, устойчивые конструкции с частицей *хоть* в составе придаточной части, потому что они достаточно выразительно передают экспрессивно-модусную семантику: *В общем, когда ничего не подозревающий зритель как ни в чем не бывало вникает в суть вещаемых ему новостей, за кадром кипят такие страсти, что хоть святых выноси* (Телесемь, 13.08.01.). При этом действие, обозначенное аналогом императивной формы, рисуется как крайняя степень, «высшая точка», к которой приводит названное состояние, однако указание на действие

еще не значит, что оно будет кем-либо совершено. «Указание на его «возможность» или «неизбежность» - это обычно только «метафорическое» изображение степени качества или состояния» [Д.Н. Шмелев, 1960: с. 58].

В языке современной прессы, быстро реагирующей на события, происходящие в мире, ФЕ утрачивают особую оригинальность и в результате частого употребления превращаются в штампы. Если ФЕ используются в целях более яркого изображения и эмоциональной оценки явления, экспрессивности речи, то штамп – это «стертая», «изношенная» экспрессема, то есть порождение штампа связано с «универсализацией и серийностью средств выражения в газетном языке» [В.Г. Костомаров, 1971: 219].

Необходимо отметить, что публицистика отражает состояние современного социума, в частности его отличительные черты – ломку исторически сложившихся ценностей, несоответствие поведения субъекта общепринятым этическим и эстетическим нормам, противоречие поколений, возникшее в перестроечное время, и т.п., но, что самое характерное – стремление общества к агрессии. Данное явление можно проследить и на примере изучаемых конструкций, где в качестве придаточной части используется разговорный речевой штамп *мало не покажется: В западных же авиакомпаниях за курение на борту взимается такой штраф, что мало не покажется* (КП, 3.07.01.).

В главе III «Сложные предложения местоименно-союзного типа как средство описательной номинации» решается проблема соотношения коммуникации и номинации, которая представляется существенной для данного типа конструкций; сделан акцент на изучении фразовой номинации как средстве репрезентации ведущей, на наш взгляд, семантики высокой степени признака или меры количества.

III.1. Нами выявлены основные отличительные свойства описательной номинации в изучаемых конструкциях, а именно ее связь не с лексической, предметной, а с событийной семантикой, т.е. номинация высокой степени признака раскрывается с помощью пропозитивной номинации, соотносенной с ситуациями внеязыковой действительности.

Мысль о номинации и референции была высказана в труде П.М. Перевлесского «Начертание русского синтаксиса» (1848), где он писал: «Первою причиною образования придаточных предложений была необходимость. Для названия многих лиц и вещей нет еще слов, им соответственных, для иных хоть и есть слова соответственные, но они чрезвычайно мало употребительны или не вполне выражают то понятие, какое

имеет сочинитель» [П.М. Перевлесский, 1848: с. 74 - 75], т.е. фразовая номинация возникает по необходимости, либо в силу отсутствия соответствующего лексического фонда, либо для более детализированного описания тех или иных значений и понятий.

В лингвистических трудах в той или иной степени оказалась рассмотренной фразовая номинация лиц и предметов, лежащая в рамках отождествительных отношений (С.В. Крамских, А.А. Буров, Н.И. Пельтихина и др.), разработка же проблемы соответствующей номинации обстоятельственных значений, в частности меры и степени, отсутствует, хотя в языке и речевой практике значение места, времени, количества и др. может передаваться описательно. По этому поводу А.А. Буров замечает, что «номинативная функция свойственна не только формам субстантивации предикативных перифраз, но также и формам адъективации и адвербиализации» [А.А. Буров, 1985: с. 25]. Нами отмечено, что лексические средства представления количественной семантики в русском языке достаточно ограничены и могут быть исчислимы (это, как правило, адвербиальные слова *очень, слишком, крайне, много, мало* и т.п., а также количественно-именные сочетания с переносным значением *бездна мыслей, море цветов, куча проблем* и др.), отсюда стремление говорящего «уйти» от количественной лексемы, прибегнув к описательной номинации. В то же время лексическая замкнутость тематической группы слов со значением количества нередко вызывает и коммуникативные затруднения субъекта, что также приводит к использованию в речи предикативных единиц.

При фразовой номинации, в отличие от лексической, придаточная часть включает в себе определенную предикатно-аргументную структуру, имеет модально-временной план, который соотносится с модально-временным планом главной части. В ряде работ местоименно-союзные конструкции, выражающие семантику интенсивности, с точки зрения номинации расцениваются как разновидность косвенной номинации путем указания на следствие (Н.И. Пельтихина) или «выделительно-оценочные наименования» (А.А. Буров).

Наши наблюдения показывают, что для выражения усилительно-количественной семантики меры и степени качества могут использоваться:

- предикативные единицы, имеющие конкретно-референтное значение и отражающие ситуации, находящиеся в зоне непосредственного наблюдения со стороны адресанта, а также предикативные единицы, имеющие обобщенно-референтную отнесенность;

- предикативные единицы, отражающие ситуации, находящиеся в сфере воображаемого, предполагаемого, метафоризированного.

III.2. Нами рассмотрены типовые ситуации, находящиеся в сфере реальности/ирреальности. Как правило, реальная ситуация способствует внешней объективации высокой степени признака за счет использования лексики, нацеленной на «обязательный выход в двигательной или речевой активности». При этом событийные пропозиции имеют конкретно-референтную отнесенность, которая представлена глаголами в форме прошедшего аористического времени: *Девушка закричала так громко, что парень, кинув вещи, бросился бежать* (КП, 7.12.00.). Однако преобладают ситуации, имеющие обобщенно-референтную отнесенность, когда придаточная часть получает в большей или меньшей степени обобщенный характер за счет повторяемости, длительности и использования глагольных времен с их различными смысловыми оттенками. Наряду с этим достаточно частотны и глаголы, называющие ментальную деятельность. В этом случае возникают «модусные пропозиции», которые «описывают внутренний мир человека: состояния, процессы и «действия», протекающие в психической (ментальной и эмоциональной) сфере человека» [В.А. Белошапкова, Н.В. Менькова, 1995: 56]: *В судьбе Алексея Маресьева реальная жизнь и вымысел так переплелись, что некоторые даже сомневались в его существовании* (МК, 9.05.02.); *Большегрузные автомобили, преодолевая препятствия, вытворяют такие трюки, что публика, наблюдая за действиями водителей-испытателей, всякий раз восторгается ...* (КП, 5.10.00.).

Ирреальность ситуации, передаваемой придаточной частью, маркируется формами глагольного наклонения и союзом *чтобы*: *Джерри Цукер мечтал сделать город таким красивым, чтобы каждому зрителю захотелось в нем жить* (Телесемь, 2.12.01.). План потенциальности передается за счет использования будущего совершенного, союзов *словно*, *как будто*, *будто* и др., а также модально-вводных слов персуазивного типа: *С самой верхотуры буровой вышки облака так близко, что, кажется, протяни руку и достанешь* (КП, 20.09.00.). Элемент потенциальности создается и посредством внутрисинтаксической модальности: *Родная мать не признала бы меня в этой странной японской кукле с испуганными раскосыми глазами, такой бело-розовой, что могла и фарфор пристыдить* (КП, 18.01.02.). В ряде случаев предполагаемая ситуация приобретает характер гиперболизации, что в большей степени свойственно художественной речи, но имеет место и в публицистике: *До брака у отца была такая бурная жизнь, что дрожали весь Питер, Москва и*

даже зарубежье (Телесемь, 25.11.01.); - *Будучи в зените славы, вы как-то обронили фразу, которую после цитировал ни один журналист: «Я такой большой, что не помещаюсь на сцене «Ковент-Гардена»* (Казанские ведомости, 30.10.01.).

III.3. Как правило, придаточная часть обозначает событие реальное или предполагаемое, последнее в большей степени связано с субъективацией высказывания. Однако возможно, что придаточная часть не представляет пропозитивной номинации, не соотнесена с элементами внешнего мира, а определяется принадлежностью говорящего к определенной культуре, социуму, его обращенностью к национальному фразеологическому фонду, т.е. для характеристики явления, не вписывающегося в рамки стандартного суждения о количественных параметрах, говорящий прибегает к фразеологическим и клишированным фразам (*нет слов, мало не покажется, вы и представить не можете* и др.). Местоименно-союзные предложения с придаточной частью, включающей подобные компоненты, приобретают модусную семантику. Наши наблюдения показали, что придаточная часть может выражать модусную семантику оценочного, эмотивного, метатекстового характера, последняя возникает в таком коммуникативном акте, когда говорящий затрудняется иными способами описать значение высокой степени признака: *Заморозка тарифов не решит проблемы. Наши естественные монополии не станут сокращать свои издержки. Их менеджмент настолько развращен, что нет слов...* (КП, 28.08.01.). Оценочная модусная семантика характеризует значение интенсивности по линии нормативности/ненормативности: *Видимо, моя личность настолько нестандартна, что не уместится ни в какое прокрустово ложе...* (КП, 17.10.00.); *На бюджетных деньгах такие «бабки» зарабатываются, что вам и не снилось!* (КП, 28.03.02.); *Они все (титаны на политическом Олимпе) так высоко, что не достать* (КП, 2.11.00.). Модусная семантика, лежащая в сфере эмотивности, связана с различными эмоциональными состояниями субъекта, которые вызываются интенсивностью статического или динамического признака: *...австрийцы даже в здоровом состоянии совершали такие ошибки, что просто диву даешься* (КП, 11.01.02.). Наиболее частотной в языке современной прессы оказывается отрицательная устойчивая предикативная единица *мало не покажется*, которая имеет пейоративную аксиологическую окрашенность и передает речевую тактику угрозы: *Пройдет несколько минут, и спиртовые пары, которым нет выхода, рванут так, что мало не покажется* (КП, 25.07.01.); *... в разгар веселья на*

сцене появилась сама Алла Пугачева и начала «зажигать» так, что мало не показалось... (ЭГ, № 26 (июль 01г.).

Описательная номинация, по сравнению с лексической, представляющей компактную модель выражения, является наглядно-конкретной, семантически насыщенной, поскольку количественные отношения взаимодействуют с результативно-следственными, эмоционально-экспрессивной.

В заключении обобщаются результаты работы и формулируются основные выводы. Класс местоименно-союзных предложений, отличающийся контаминированной семантикой, синтезом качественно-количественных и следственных значений, трактуется нами как явление экспрессивного синтаксиса за счет присущей ему категории интенсивности. В исследовании разработана типология изучаемых структур, опирающаяся на способы реализации в них семантики интенсивности. Семантика интенсивности в предложениях с местоименно-союзной связью акцентируется за счет экспрессивных модификаций модели: повтора, парцелляции, усечения, эллипсиса. В публицистических текстах достаточно широко представлено явление фразеологизации данной модели в результате осложнения главной или придаточной частей. При решении проблемы соотношения коммуникации и номинации сделан акцент на изучении описательной номинации как средства репрезентации семантики высокой степени признака. Описательная номинация, с одной стороны, восполняет недостаточность той части лексикона, который сосредоточен на соответствующей семантике, с другой - ориентируясь на событийность, дает возможность дифференцировать, конкретизировать и словесно индивидуализировать представления о высокой степени признака, как статического, так и динамического. Сопоставление исследованных предложений со следственными, маркируемыми союзом *так что*, позволяет констатировать тот факт, что в языке современной публицистики доминируют местоименно-союзные предложения, которые за счет актуализации местоименного компонента и отрыва его от союза приобретают неоднозначную семантику и выходят из поля стилистической нейтральности. В отличие от собственно следственных предложений, они в большей степени характеризуются антропоцентричностью, охватывая как ментальную, так и эмоциональную сферу социума и индивида.

Семантическая многозначность и многоликость местоименно-союзных предложений, сочетание в них стабильных и вариативных компонентов, а также присущий им экспрессивный характер стимулируют их использование в публицистическом стиле речи. Ориентация публицистического стиля на

данную модель связана с свойственными ему, с одной стороны, экспрессией, с другой стороны, стандартом, составляющими вместе «единый конструктивный принцип» (В.Г. Костомаров) языка газет.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Местоименно-союзные соотнесительные предложения как средство описательной номинации // Закономерности развития и функционирования национальных языков и литератур: Материалы итоговой научной конференции. – Казань: ДАС, 2001. – С. 101-103.

2. Содержательная структура предложений с местоименно-союзной связью // Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых: Сборник статей молодых ученых. – Казань: ДАС, 2001. – С. 255-263.

3. Семантика интенсивности в системе следственных структур русского языка (на материале современной прессы) // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001г.): Труды и материалы: В 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 1. – С. 171-173.

4. И.А. Бодуэн де Куртенэ и проблема взаимодействия качественно-количественных и релятивных значений в языке // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 143. Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Материалы международной научной конференции «Бодуэновские чтения» (Казань, 11-13 дек. 2001г.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – С. 215-218.